

О.М. Вербицкая

ФОРМИРОВАНИЕ КОЛХОЗНОЙ ЭКОНОМИКИ ПО МОБИЛИЗАЦИОННОМУ ТИПУ (1930-е гг.)*

Во второй половине 1920-х гг. советское руководство разработало амбициозный проект модернизации страны, в котором основное внимание уделялось техническому обновлению промышленности. К этому времени потенциал дореволюционной российской индустриализации уже был практически исчерпан, и это особенно актуализировало данный проект, тем более что промышленное оборудование и действовавшие технологии физически и морально давно устарели.

Широкомасштабное технологическое обновление народного хозяйства требовало адекватного финансирования, в том числе и в валюте. Следует подчеркнуть, что в годы мирового экономического кризиса (1929–1933 гг.) СССР удалось на сравнительно выгодных условиях заключить с зарубежными фирмами ряд договоров о поставках новейшего заводского оборудования и передовых индустриальных технологий. Однако вопрос упирался в нехватку валютных средств, что при отсутствии в тот период возможности получить иностранный кредит вынуждало руководство СССР рассчитывать в этом деле исключительно на внутреннее накопление. Иными словами, создалась экстремальная ситуация, когда экономическая отсталость угрожала существованию СССР как целостной системы, а сложность реализации намеченной цели, имевшей исключительную важность, требовала использования чрезвычайных средств и таких же организационных форм¹.

В создавшихся условиях руководство СССР, прежде всего, руководствуясь идеологическими принципами, вместо традиционных рыночных механизмов предпочло мобилизационную модель социалистической экономики, которая позволяла в максимальной степени сконцентрировать все материальные ресур-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 10-01-00348а.

© О.М. Вербицкая, 2011

сы страны для реализации стратегической задачи. На практике это означало переход важнейших хозяйственных механизмов к государству при предельной централизации управления, абсолютном преобладании командных методов в руководстве и стремительном разрастании бюрократического аппарата.

Получив неограниченную власть, руководство страны в лихорадочном поиске материальных ресурсов для модернизации пришло в итоге к выводу, что покрыть их дефицит придется в основном за счет деревни. В условиях конца 1920-х гг. единственным надежным источником поступления валюты, остро требовавшейся не только для оплаты импортного оборудования, но и труда приглашенных западных специалистов, оставалось лишь зерно и продовольствие. Что же касается собственных нужд и проблем деревни, то ими надлежало пожертвовать во имя социалистической реконструкции.

После «слома НЭПа» советская экономика быстро перестраивалась по мобилизационному типу, и ее аграрному сектору также предстояло занять в ней соответствующее место. Следующим этапом должна была стать массовая коллективизация сельского хозяйства, на которую возлагалась задача объединения миллионов единоличных крестьянских хозяйств в крупные производственные коллективы социалистического типа — колхозы. Однако для сколько-нибудь эффективного их функционирования также требовалась модернизация в аграрной отрасли. Показательно, что развитые страны Западной Европы и США к тому времени уже завершили электрификацию своего сельского хозяйства, после чего оно вступило в стадию бурного технического прогресса. Реальное состояние же русской деревни в конце 1920-х гг. мало чем отличалось от того, что было в ней сто лет назад — там по-прежнему, образно говоря, еще царили соха и лучина. Россия оставалась традиционной аграрной страной с очень высокой долей крестьянского населения (свыше 80%). В 1927 г. в российской деревне насчитывалось около 25 млн мелких крестьянских хозяйств, каждое из которых в среднем располагало 5 га посевов, одной лошадью, 5–6 едоками при 2–3-х работниках (без наемных). Их хозяйственная деятельность была связана с обработкой мелких клочков земли примитивными орудиями².

После октября 1917 г. в Советской России прошла аграрная революция, покончившая с помещичьим землепользованием, после чего начался уравнительный передел земли, затронувший и часть кулацких хозяйств. Эти преобразования стали причиной падения производительности аграрного труда и измельчания крестьянского хозяйства, но благодаря этому в социально-экономическом отношении советская деревня «осередничилась». Параллельно падала товарность и усиливался потребительский характер производства в крестьянском хозяйстве, которое все более замыкалось исключительно потребительскими рамками семьи, из-за чего сокращался объем производства и слабела связь с рынком. Все эти явления свидетельствовали о прерывании процесса первоначального накопления капитала.

И хотя в период НЭПа развитие земельных отношений все же привело к определенному оживлению экономики, модернизация в сельском хозяйстве еще и не начиналась. Но складывающаяся советская мобилизационная модель экономики безотлагательно требовала соответствующего механизма и в деревне, поскольку государство было намерено ее потенциал использовать по-своему. Печальный опыт недавних хлебозаготовок 1927–1928 гг. окончательно убедил советскую власть в том, что крестьянские хозяйства по предлагаемым крайне низким ценам хлеб не отдадут, и это торопило с проведением коллективизации, поскольку зерновой экспорт, а следовательно, и техническое обновление индустрии, были под угрозой. С точки зрения государства, коллективизация должна была помочь ему создать на легальных основаниях механизм беспрепятственного и бесперебойного изъятия зерна из деревни. Понятно, что такой план исходил из возможностей максимального применения административного ресурса и мер экономического принуждения в отношении крестьян.

Коллективизации также отводилась почетная миссия проводника технического прогресса в социалистическое сельское хозяйство. При вступлении в колхоз единоличные крестьяне обязывались вносить в качестве членского взноса свои земельные наделы, продуктивный и рабочий скот, крупный сельскохозяйственный инвентарь и пр., что и становилось основой коллективного имущества, т.е. неделимыми фондами колхозов.

Следовательно, коллективная собственность самих крестьян была положена в основу колхозной собственности.

Совокупность объединенных земельных наделов бывших крестьянских хозяйств формировала единый крупный массив колхозной земли, на котором уже можно было использовать современную аграрную технику (машины, тракторы, комбайны и др.), что было немыслимо в мелком хозяйстве. Кроме того, крупное коллективное сельскохозяйственное производство имело все необходимые предпосылки для перевода его на социалистические плановые начала, т.е. для включения в систему государственной плановой экономики.

Постепенно коллективизация становилась все более массовой. В течение 1929–1932 гг. только в основных зернопроизводящих районах страны было организовано свыше 200 тыс. колхозов, которые объединили почти 60% крестьянских хозяйств и 75% посевных площадей. Одновременно продолжалось строительство совхозов: дополнительно к тем, которые уже действовали с первых лет советской власти, было создано еще 5 тыс. совхозов. В совокупности колхозы и совхозы к этому времени располагали примерно 80% всех посевных площадей СССР³.

Во второй половине 1930-х гг. коллективизация сельского хозяйства в основном была завершена, и в стране преимущественно в принудительном порядке был создан колхозный строй. Но предстояло решить еще множество сложных задач, в том числе основную — привести в действие созданную коллективизацией производственную систему отношений «государство — колхозы». Это требовало отработки не только соответствующей юридической базы, но и формирования экономического механизма в сельском хозяйстве. В действительности эта цель была достигнута далеко не сразу, а лишь через несколько лет, ставших для деревни и крестьянства временем огромных страданий и болезненной ломки прежнего социально-экономических уклада.

Одной из наиболее трагических страниц коллективизации была борьба вокруг хлебозаготовительных планов. Подстегиваемая жесткими обязательствами перед границей по поставкам хлеба и продовольствия, советская власть была чрезвычайно заинтересована в постоянном наращивании объемов изымаемого из деревни хлеба. Однако в те годы она всячески стремилась

достичь этого не за счет увеличения производства зерна, а исключительно посредством все более массовых его конфискации. Действия государства в начальный период коллективизации многим напоминали методы «военного коммунизма», и не только в отношении попавших к нему в зависимость колхозов, но и скудных амбаров единоличных крестьян, откуда тоже выгребалось последнее продовольствие.

Вскоре из-за непомерно высоких объемов государственных заготовок, практически полностью лишавших колхозы и единоличников хлеба и другого продовольствия, в СССР разразился острый продовольственный кризис, усиленный неурожаем 1932 г. Это привело к возникновению массового голода в основных центрах зернового производства — на Украине, Кубани, Дону, Южном Урале, в Поволжье и Казахстане. Хотя от голода 1932–1933 гг. страдали и жители городов, его последствия особенно тяжелыми оказались именно для крестьян. Потери среди них не поддавались счету — именно крестьянство заплатило за индустриализацию непомерную цену. Сталинской «революции сверху», как нередко называют коллективизацию, в таких условиях оставалось лишь пожинать свою «жатву скорби»⁴. По имеющимся оценкам (заметьно отличающимся вследствие особых методик подсчета жертв по Украине), от голода и сопутствующих болезней, в целом по стране погибло от 7,2 млн до 10,8 млн чел.⁵

Разразившийся массовый голод советское правительство, особенно перед Западом, скрывало и даже отрицало его публично. Между тем, голод на селе был вызван целым рядом причин — не только недородом 1930–1932 гг. и разорительными хлебозаготовками, которые полностью лишили крестьян продовольствия, но и тем огромным дефицитом продовольствия в стране, который образовался из-за его вывоза в огромных количествах за границу. В эти годы тысячи тонн зерна уходили из страны в порядке выполнения обязательств СССР перед границей по контрактам «продовольствие в обмен на технику и станки». Например, только за сентябрь 1930 г. Наркомат торговли по приказанию Политбюро ЦК ВКП(б) отгрузил в порты не менее 1600 тыс. т зерна, в том числе пшеницы — не менее 1235 тыс. т, ячменя — 250 тыс. т, ржи — 35 тыс. т и т.д. Подобные отправки зерна за границу не прекращались вплоть до полного выполне-

ния СССР торговых обязательств перед западными партнерами, включая и особо голодный 1933 г.⁶

Голод, насильственная коллективизация и произвол хлебозаготовок крайне накалили обстановку в деревне, вплоть до открытых, в том числе и вооруженных, выступлений. Крестьянское движение в районах массового голода в основном имело характер пассивного сопротивления — порчи колхозного имущества, хищений, отказа от работы и пр. На хищение урожая («стрижку колосков») шли, прежде всего, отчаявшиеся от голода и страданий люди, бывшие не в состоянии работать из-за крайнего истощения. Сталин это «теоретически обобщил» в январе 1933 г. и охарактеризовал переживаемый момент как переход классовой борьбы в новую стадию — «от прямой атаки против колхозов к работе тихой сапой»⁷.

В результате коллективизации основной формой сельскохозяйственного производства стали производственные коллективы нового типа — колхозы. Их правовое положение в первые годы коллективизации определялось Примерным Уставом, который был в экстренном порядке подготовлен Колхозцентром и одобрен Наркоматом Земледелия. 1 марта 1930 г. его утвердило правительство (СНК СССР) и Президиум ЦИК СССР⁸. Но данный вариант Устава просуществовал недолго, поскольку из-за быстрых перемен в деревне его положения устарели. В течение 1930–1934 гг. правительственные органы приняли значительное число новых законов и подзаконных актов, направленных на упорядочение колхозной жизни и охрану социалистической собственности, а также на внедрение машинно-тракторных станций (МТС) в колхозное производство и регламентацию взаимоотношений с ними.

Колхозный Устав 1930 г. касался практически лишь задач начального периода коллективизации (преимущественно приема единоличников в колхозы) и в последующие годы в связи с произошедшими многими переменами в жизни колхозной деревни он уже не мог жать необходимых долгосрочных ориентиров и рекомендаций. В нем не было важных для колхозников положений, определявших их права и обязанности, а также принципов, по которым распределялись в колхозах доходы, соотносились доходы от общественного и личного хозяйства и др. В части лич-

ных хозяйств колхозников прежний Устав содержал лишь общее упоминание, что при обобществлении земельных угодий «в единоличном пользовании остаются приусадебные земли» (огороды, сады и т.п.). Но при выходе из артели наделение выбывших крестьян землей из земель колхоза воспрещалось⁹.

Следует учитывать, что кроме колхозов и совхозов в аграрном секторе и к концу периода 1930-х гг. оставалось немало единоличных крестьянских хозяйств, хотя их число систематически снижалось по мере роста коллективизации. Однако ситуация существенно усугублялась тем, что подавляющее большинство единоличников вступало в колхоз под нажимом властей, значительное число колхозов создавалось сверху директивным путем, без достаточной материально-технической базы. Экономическая и организационная слабость таких артелей вынуждала руководство страны задумываться об их хозяйственном укреплении и внедрении машинной базы.

Осуществление форсированной по темпам и насильственной по форме коллективизации крестьянских хозяйств в итоге привело к сильной дезорганизации хозяйственной жизни деревни. Несмотря на достигнутый общий рост посевных площадей в хозяйствах всех типов, урожайность сельскохозяйственных культур в целом по стране заметно снизилась, что соответственно отразилось и на валовых сборах зерна. В 1932 г. в СССР было собрано всего 694,8 млн т зерна вместо 835,4 млн, полученных в 1930 г.¹⁰

В те годы в СССР действовала введенная еще в 1929 г. из-за продовольственных затруднений и нехватки хлеба карточная система распределения продовольствия для рабочих и служащих, которая в итоге просуществовала до 1935 г. В условиях дефицита продовольствия, угрожавшего серьезными социально-политическими последствиями, советская власть была вынуждена пойти на частичное внедрение рыночных элементов и товарно-денежных отношений. С целью большего насыщения рынка хлебом в мае 1932 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) было разрешено крестьянам продавать излишки зерна на базарах, причем по рыночным ценам, складывающимся в соответствии со спросом и предложением. Однако большого распространения рыночная торговля хлебом не получила, так как

практически все товарное зерно уходило в государственные закрома, а в свободную продажу поступало менее 1% его общего расхода. Впоследствии общий оборот колхозной торговли все же расширился: в 1937 г. он увеличился более чем в 2 раза по сравнению с 1932 г.¹¹

Экономические отношения государства и колхозов, с одной стороны, и государства с единоличными крестьянскими хозяйствами, с другой, с конца 1920-х гг. строились в основном на договорной (контрактационной) системе заготовок сельскохозяйственных культур. Эти отношения рыночными не были, так как цены на зерно жестко устанавливались правительством. Контрактация продуктов сельского хозяйства в 1928–1929 гг. развивалась быстро, захватывая почти все сельскохозяйственные культуры, но не всех производителей сельскохозяйственной продукции. Например, в 1930 г. она распространялась лишь на половину зерновых площадей, и для нее предназначалось 30% общего объема государственных средств, выделяемых на всю посевную кампанию этого года¹².

Согласно заключаемым договорам, государственные и кооперативные организации взамен полученной от колхозов аграрной продукции должны были вкладывать свои средства в развитие их экономики, оказывать при этом крестьянским хозяйствам и артелям помощь инвентарем, машинами, удобрениями и потребительскими товарами. По существу система контрактаций имела характер договора между производителями хлеба, вынужденными сдавать государству свою продукцию по низким ценам, и самим государством, которое финансировало развитие сельского хозяйства.

В начале 1930-х гг. хлебозаготовительная политика правительства ужесточилась. Несмотря на сокращение производства хлеба в 1931–1932 гг., зерно, полученное от колхозов, оплачивалось по столь низким государственным ценам, что они не покрывали и четверти производственных затрат. К примеру, заготовительные организации за 1 ц ржи платили колхозам всего 4,5–6,0 р., в то время как его себестоимость даже в специализированных зерносовхозах достигала 22,9 р., т.е. была в 4–5 раз выше установленных для колхозов заготовительных цен. Разрыв между рыночными и государственными ценами на хлеб был еще больше: на рынке

1 кг ржаного хлеба стоил 2,0–2,5 р., пшеничного — 3,5–4,0 р., т.е. практически столько же, сколько государственные заготовители платили за целый центнер колхозного зерна¹³.

Советское руководство свою главную задачу в деревне видело исключительно в создании запасов хлеба, необходимых для внутреннего потребления и реализации на внешнем рынке. Но в 1933 г. в сельском хозяйстве большинства областей страны разразился острейший кризис и создано крайне тяжелое положение. Его основными чертами было разрушение основных производительных сил деревни вследствие форсированной коллективизации и репрессий, а также полная дезорганизация и упадок аграрного производства, массовый голод и гибель основных производителей сельскохозяйственной продукции. Поэтому задания первой «сталинской» пятилетки по развитию сельского хозяйства, которые принимались в надежде на существенный прирост благодаря намеченному «великому перелому», фактически провалились и ни по одному показателю выполнены не были¹⁴.

Это стало результатом и следствием, прежде всего, сталинской «революции сверху» в деревне, поправшей все разумные принципы ведения хозяйства. Грабительские хлебозаготовки фактически разрушили экономический уклад деревни, подорвали не только ее производительные силы, но заодно и социально-экономические и генетические корни воспроизводства и самого существования крестьянства как такового. Что касается самих колхозов, то в это время в них действовал лишь односторонний механизм изъятия хлеба и другой продукции государством, в то время как сколь-нибудь четкая система не только оплаты, но и организации труда работников, в них полностью отсутствовала¹⁵.

В подавляющем большинстве сельскохозяйственных артелей царил полный хаос. Сохранились весьма мрачные свидетельства о колхозной жизни того времени, например, по Нижне-Волжскому краю, которые отражают ситуацию и в других регионах: «Сев происходил безобразно. Трудовой дисциплины не было. Только 60% колхозников выходили на работу, начинали в 10 утра. Глубина пахоты от 2 до 4 см. Кругом были огрехи. Контрреволюционное охвостье хозяйничало в колхозе...»¹⁶. Из-за полного отсутствия оплаты труда люди утратили всякий интерес к кол-

хозным работам. В этой ситуации государство действовало не рыночными, а исключительно жесткими административными и репрессивными методами, «любой ценой», отнимая у крестьян основной стратегический продукт того времени — хлеб.

Сталинское руководство страны осознавало всю взрывоопасность создавшегося положения и важность скорейшего выхода из кризиса. Необходимо было хоть в какой-то степени восстановить доверие крестьян к советской власти и колхозам, помочь им навести порядок в организации и оплате труда. А главное — наладить механизм неэквивалентного обмена между городом и деревней, который обеспечил бы выгодный и бесперебойный приток зерна и прочей сельскохозяйственной продукции из колхозов прямо в государственные закрома. Взамен этого государство рассчитывало в необременительном для себя объеме поставлять крестьянам машины, тракторы и комбайны для облегчения труда на самых трудоемких сельскохозяйственных работах.

Начинать было решено с законов, обещавших крестьянам прекращение хлебозаготовительного беспредела. Закон «Об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами», принятый СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 19 января 1933 г., своими положениями закладывал основы новой структуры управления производственной сферой села. С этого времени отменялась ранее действовавшая договорная (контракционная) система заготовок зерновых культур, вместо нее вводились твердые обязательства колхозов по сдаче зерна государству (имевшие характер налога) в соответствии с предварительно установленными ценами.

Это был принципиально важный шаг на пути превращения колхозов в элемент плановой экономики и упорядочения командных форм руководства колхозами. В экономическом плане нормы сдачи продукции устанавливались из расчета на каждый запланированный гектар посева зерновых культур, а затем отдельно по каждому виду (пшенице, ржи, овсу и бобовым), с тем, чтобы средняя норма сдачи зерна по каждому административному району полностью была сохранена. Отныне колхозы и единоличные крестьянские хозяйства должны были не позднее 15 марта получать установленные вышестоящими органами твердые цифры объемов сдачи ими зерна по обязательствам с

указанием точных сроков выполнения. Закон гласил, что нормы сдачи хлеба государству колхозами и единоличными крестьянскими хозяйствами, предварительно установленные и утвержденные СНК СССР, обязательны для всех колхозов данного района и меняться не должны. Государство, учредив в законодательном порядке весьма жесткие условия сдачи продукции, тем самым обязывало всех производителей аграрной продукции к неукоснительному их выполнению.

Таким образом, новые условия государственных поставок содержали элемент некоей упорядоченности и системы. По сравнению с 1930 и 1931 гг., когда хлебозаготовки в хозяйствах колхозов и крестьян проводились, подобно бескомпромиссным подразделениям эпохи «военного коммунизма», новое законодательство все же ставило преграды административному беспределу. Для крестьян особое значение имел пункт о «безусловном запрещении» встречных планов, по которым местные власти нередко требовали от них дополнительную сдачу зерна, сверх уже выполненных обязательств. Имело значение, что колхозы получили право после выполнения обязательных поставок оставлять «излишки хлеба в полном распоряжении» самих колхозов, а также колхозников и единоличников.

Государство диктовало весьма жесткие требования и к качеству продукции: поставка должна была осуществляться только доброкачественным зерном и непременно из первых обмолов. Сами колхозы и единоличные хозяйства обязаны были подвозить его непосредственно к пункту сдачи. Данный закон на долгие годы учредил так называемую «первую заповедь» хлебороба: «Выполнение обязательств по сдаче зерна государству является первоочередной обязанностью каждого колхоза и единоличного хозяйства». В случае невыполнения установленных обязательств для колхозов предусматривались денежные штрафы, а для единоличников — судебная ответственность. Функции налогового аппарата в системе госпоставок передавались Комитету при СНК СССР по заготовкам сельскохозяйственной продукции (Комзаг) и его органам на местах¹⁷.

Вскоре были приняты аналогичные законы для колхозов и крестьян-единоличников об обязательных поставках и других культур (подсолнечника, картофеля, риса) и животноводческих

продуктов. Все эти законоположения исходили из средних норм сдачи продукции с запланированных площадей посева, а по животноводческой продукции — из общей численности поголовья скота. На эти виды сельскохозяйственной продукции так же, как и на зерно, был распространен ранее установленный порядок сдачи обязательных поставок. Таким образом, взамен ранее действовавшей контрактационной системы заготовок задания по обязательным поставкам учреждались из расчета плановых площадей посева и по тем же твердым государственным ценам¹⁸.

Новый принцип поставок хозяйствами аграрной продукции позволял государству брать под полный контроль расходование выращенного в колхозах зерна и других сельскохозяйственных культур. Для этого правительство учреждало дифференцированные объемы твердых обязательств (имевших силу налога) по каждому из видов земледельческой и животноводческой продукции, причем с соблюдением классового подхода к ее производителям. Это означало, что колхозы, единоличники и личные хозяйства колхозников налогом облагались в разной мере — нормы сдачи продукции были не одинаковы. Для «трудовых» единоличных хозяйств соответствующие нормативы по сдаче устанавливались выше, чем для колхозов, но наполовину ниже, чем для «кулацко-зажиточных». Установленные в апреле 1934 г. нормы обязательных поставок по картофелю, например, были наиболее льготными для колхозов. Для приусадебных хозяйств колхозников налог был несколько выше, чем для колхозов, но ниже, чем для крестьян-единоличников¹⁹.

С января 1934 г. продовольственный фонд страны кроме обязательных государственных поставок от всех аграрных производителей стал пополняться и в результате закупок продовольствия и децентрализованных заготовок сельскохозяйственной продукции у крестьян на добровольной основе. В отличие от обязательных государственных поставок, которые осуществлялись самими хозяйствами, закупками и заготовками, имевшими товарную форму, занимались органы потребительской кооперации. Специальное постановление «О закупках хлеба потребительской кооперацией» в принципе было нацелено на создание материальной заинтересованности для крестьян. За продажу отдельных видов продовольствия, при покупке дефицитных то-

варов промышленного производства им полагались некоторые преимущества. Кроме того, цены на хлеб при закупках устанавливались на 20–25% выше заготовительных. Эти меры одновременно были нацелены и на повышение товарности сельскохозяйственной продукции²⁰.

Однако в реальной жизни все оказалось несколько иначе — объемы госзакупок постоянно нарастали: в 1934–1935 гг. они уже в 8–9 раз были выше, чем в 1933 г.²¹ Более того, зачастую вместо непосредственной продажи промтоваров крестьянам выдавались лишь справки о праве на их внеочередное приобретение. Отказ крестьян сдавать продовольствие в порядке госзакупа органы власти расценивали как враждебный колхозному строю акт, а те, кто особенно активно протестовал, подвергались арестам, приговаривались к различным срокам заключения²².

Под административным нажимом государства колхозы сдавали свои «закупочные фонды», и хлебозакупки постепенно стали восприниматься колхозниками как «встречные планы» или дополнительный хлебный налог. К тому же при существовавших требованиях к сдаваемому и покупаемому зерну (только высшего качества), колхозы были вынуждены своим работникам на трудодни распределять остававшееся зерно худшего качества. Тем не менее, в середине 1930-х гг. закупки и увеличение продаж на колхозных рынках все же привели к некоторому оживлению товарно-денежных отношений в деревне. Это дало основание некоторым западным, а вслед за ними и российским ученым, говорить о своеобразном «неоНЭПе», т.е. о частичном возрождении элементов рыночной экономики²³. Однако, даже такую форму пополнения продовольственного фонда в этот период (государственные закупки сельскохозяйственной продукции у крестьян), лишь с очень большой натяжкой можно отнести к рыночным отношениям. Цены, по которым продукты закупались у крестьян, лишь немногим были выше «чисто символических» заготовительных цен, установленных государством в административном порядке сверху и не покрывавших даже части производственных затрат. По таким ценам колхозы и крестьяне-единоличники были обязаны сдавать свою продукцию. Помимо обязательных поставок, а с середины 1930-х гг. и натуроплаты МТС, стали использоваться и другие, более выгодные для колхозов и крестьян каналы

мобилизации товарных ресурсов зерна — закупки, децентрализованные заготовки, свободная рыночная торговля и пр. Все это несколько ослабляло заготовительный гнет в деревне, создавало определенные гарантии выполнения государственных планов товарной продукции. К тому же, с середины 1930-х гг. практически полностью прекратились экспортные зерновые операции государства²⁴, и это также снизило накал ситуации с хлебом.

В 1940 г. в систему государственных заготовок и закупок были внесены некоторые изменения, суть которых сводилась к отказу от действовавшего с 1933 г. критерия исчисления норм поставок в соответствии с планами сева. В конце 1930-х гг. этот принцип уже не создавал надежной базы для установления объемов обязательных поставок, имевших силу налога. Он все чаще создавал импульс к тому, чтобы колхозы добивались сокращения планов посева зерновых и не стремились осваивать новые земли (за счет распашки пустырей, осушки болот и т.п.). В это время уже стали сказываться издержки планового производства — передовым колхозам было невыгодно наращивать общественное поголовье, поскольку обязательные поставки мяса, молока и шерсти зависели от численности скота. И наоборот — колхозы со слабо развитым животноводством по поставкам продуктов сдавали мало, а в тех хозяйствах, где ферм не было вообще, положение оказывалось особо льготным.

По сигналам местных правительственных органов, зорко отслеживавших малейшие колебания экономической конъюнктуры в колхозах, было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Изменения в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов» от 8 апреля 1940 г., намечавшее меры по устранению подобной практики планирования колхозам. Особая роль при этом отводилась «ликвидации недостатков в системе обязательных поставок государству колхозами животноводческой продукции». Постановление отменяло прежний порядок обязательных поставок зерна, риса, подсолнуха, картофеля и овощей, исчислявшийся в зависимости от размеров земельных площадей под ними. Взамен вводился новый принцип, по которому объем обязательных поставок колхозами продукции рассчитывался уже в соответствии с общим количеством гектаров земельной площади, закрепляемой за колхозами. Советская налоговая система

в колхозах исходила из конкретной потребности государства, и налог устанавливался без учета реальных возможностей и условий хозяйства²⁵. Это давало значительные экономические выгоды государству, так как новый принцип обязательных поставок обеспечивал получение заметно большего объема продукции.

Данные законоположения легли в основу формирования целостной системы экономических отношений государства с сельскохозяйственными производителями на многие десятилетия. Применение внеэкономических мер государством, с одной стороны, постоянно вынуждало колхозы расширять общественные посевы, а с другой, изменение в конце 1930-х гг. принципа исчисления обязательных поставок обеспечило поступление в государственные закрома дополнительной колхозной продукции.

Таким образом, изъятие государством сельскохозяйственных продуктов у колхозов и крестьян осуществлялось не только посредством обязательных поставок, но и через закупки и другие натуральные подати. При этом руководство страны использовало в отношении деревни типичные методы внеэкономического принуждения — административный нажим, психологический прессинг и судебные репрессии. Процесс подготовки и проведения заготовительных кампаний уже с самого начала существования колхозного строя приобрел характер, сходный с военными мобилизациями. События широко освещались в печати, многочисленные публикации так и назывались: «битва за урожай», события на «фронте хлебозаготовок», «боевые задачи уборки урожая» и т.д.²⁶

Переход в 1933 г. от контрактаций основных продуктов растениеводства и животноводства к системе заготовок в форме обязательных поставок, имевших силу налогов, и к закупкам, означало принципиально важный шаг на пути формирования колхозной экономики по мобилизационному типу. Такая форма получения из деревни аграрной продукции обеспечивала государству максимум продовольственных ресурсов в условиях их дефицита в стране²⁷. Еще больший экономический результат в этом плане дал пересмотр в 1940 г. принципа исчисления поставок сельскохозяйственной продукции, благодаря которому были увеличены объемы ее поступлений из колхозов. Безусловно, все это не имело ничего общего с рыночными механизмами.

В 1930-е гг. под растущим административным давлением со стороны государства колхозы все больше превращались в составной элемент централизованной системы мобилизационной советской экономики. Несмотря на свою формально негосударственную природу (колхозы были, как известно, кооперативными предприятиями), они становились объектом государственного планирования и контроля. Советская официальная пропаганда в соответствии с марксистско-ленинским учением рассматривала перевод сельского хозяйства на плановые основы как необходимую предпосылку высокоэффективного производства в земледелии. При этом расчет строился на том, что план, будучи мощным стимулом и регулятором производства, позволяет быстрее, чем рыночная стихия, добиться изобилия сельскохозяйственных продуктов. Однако в реальных условиях принудительной коллективизации и директивного руководства колхозами развитие пошло несколько в ином русле, а плану так и не суждено было стать объективным регулятором производства. Его изначальное предназначение очень скоро трансформировалось — он по существу превратился в некое абстрактное прикрытие произвола государства в отношении колхозов.

Направляя колхозам утвержденные производственные и заготовительные планы, вышестоящие партийно-правительственные органы фактически диктовали колхозам — предприятиям не с государственной, а кооперативной собственностью, условия ведения ими производства. Стремление взять под собственный контроль ситуацию в сельском хозяйстве сопровождалось постоянным расширением круга планируемых показателей. Составленные для колхозов планы содержали чрезвычайно подробные и детальные показатели: объем расходуемого зерна при посеве, сроки подъема паров, зяби, сева и даже вывоза навоза и т.п. Колхозам тем самым отводилась исключительно подчиненная роль — засеять запланированное государственными органами количество гектаров под конкретными культурами, оставляя себе строго определенную долю урожая и при распределении ее строго соблюдать указанную последовательность и т.д. При этом любое, даже пассивное, сопротивление или отказ от выполнения присланных директив власть расценивала как враждебную акцию.

Директивное планирование довольно быстро превратило колхозы и колхозников в подчиненный и зависимый элемент системы «государство-колхозы», что полностью лишило их самостоятельности и возможности проявлять собственную хозяйственную инициативу. Стремясь более прочно закрепить подобный порядок взаимоотношений с колхозами, государственные органы всех уровней на протяжении 1930-х гг. постоянно вырабатывали разные «чрезвычайные меры» по обеспечению планов хлебосдачи, не обходившихся без «перегибов» и «перекосов» со стороны власти.

Практически все формы экономических отношений государства с колхозами уже с 1933 г. велись в натуральном выражении, и это в сочетании с натуроплатой за работу МТС и преобладанием натуральных форм в оплате труда колхозников, по сути, полностью исключило из колхозной экономики такой важный элемент, как денежную форму расчетов. Подобный характер экономических связей еще прочнее закреплял зависимое положение колхозов и административный диктат государства.

Формирование и развитие колхозного строя в СССР рука об руку шло с аналогичными процессами в деятельности МТС. Массовая коллективизация сопровождалась быстрым развитием их сети по стране. Уже в июне 1929 г. Совет Труда и Оборона в постановлении «Об организации машинно-тракторных станций» назвал строительство МТС одним из «основных путей к переустройству индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства». Примечательно, что для организации строительства МТС было организовано *акционерное* общество «Всесоюзный центр МТС», в связи с чем, для устройства машинно-тракторных станций наряду со средствами государства и кооперативов привлекались средства и самого крестьянского населения, обслуживаемого этими станциями, причем, в размере не менее 25% стоимости этих станций²⁸.

К концу 1932 г., т.е. менее чем за 3 года, сеть МТС увеличилась почти до 2,5 тыс., а их тракторный парк — до 75 тыс. машин²⁹. Столь быстрое распространение по стране машинно-тракторных станций объяснялось их особой ролью как «важнейшего инструмента» аграрной политики партии. На МТС возлагались довольно сложные задачи — проведение в райо-

нах их действия всех мероприятий по подъему агрономического и технического уровня колхозной экономики, а также всемерное участие в процессе преобразования индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные обобщественные хозяйства, т.е. вступлению в колхозы³⁰.

Иными словами, машинно-тракторные станции были призваны ускорить своей деятельностью формирование нового общественно-экономического строя в деревне. В их обязанности входила и пропаганда преимуществ крупного индустриального производства в деревне, постепенное осуществление модернизации путем внедрения техники и механизмов в аграрную сферу. Именно МТС предназначалась ключевая роль в налаживании системы неэквивалентного обмена между городом и деревней. Формирование производственного тандема «колхозы — МТС» заметно ускорилось после того, как правительство выработало юридические и экономические основы взаимоотношений этих «двух хозяев на колхозной земле». В частности, постановление СНК СССР от 5 февраля 1933 г. «О примерном договоре машинно-тракторных станций с колхозами» с самого начала составило все точки над «i», разграничило сферу деятельности и ответственности каждой из сторон. МТС своими тракторами и другими сельскохозяйственными орудиями обязывались в соответствии с договором, заключенным с колхозом, производить обработку почвы, посев, уборку и пр. на его землях. Примерный договор также проводил четкую грань при определении правомочий сторон — машинно-тракторные станции должны оказывать постоянную помощь колхозу (в разных формах) с целью его организационно-хозяйственного укрепления. В то же время для «повышения урожайности и доходности» колхозу вменялось абсолютное послушание всем распоряжениям МТС (выполнять намечаемые ими агрономические и полевые работы, в том числе и на тракторах, вывозить удобрения на поля, устанавливать скирды сена, молотить хлеб и пр.). Все это надлежало проводить непременно в соответствии с порядком, учреждаемым машинно-тракторными станциями. Иными словами, в этом основополагающем для обеих сторон документе их обязанности распределялись таким образом, что ведущими предприятиями в данном тандеме считались МТС, в то время

как колхозам оставалось лишь подчиняться³¹. Предусматривалась и разная степень ответственности: при нарушении договора за плохую работу или его невыполнении МТС возмещала колхозу понесенные убытки, а колхоз, в случае невозможности рассчитаться с МТС натуроплатой, вносил высокий денежный штраф в размере половины ее стоимости. Иными словами, производственное партнерство МТС и колхозов с самого начала задумывалось как неравноправное.

В предвоенные годы производственная система «колхозы — МТС», ставшая подлинным ядром мобилизаций в колхозной экономике, получила окончательное оформление. Среди целого ряда принятых документов по этому поводу следует отметить новый «Типовой договор машинно-тракторной станции с колхозом» (от 14 января 1939 г.), где получили отражение изменения отношений с колхозами после 1934 г. Новый вариант еще больше конкретизировал взаимные обязательства сторон: МТС обязывались выполнять работы по агротехнике конкретно по видам работ и срокам. Детализировался объем работ МТС в гектарах, вплоть до определения качественных показателей (глубины, степени обработки и т.д.). Колхозам вменялись в обязанность охрана части имущества МТС (сельскохозяйственных машин и инвентаря, горючего), обеспечение бесперебойной транспортировки зерна из-под комбайнов. Отныне закон обязывал уже сами колхозы, а не МТС, проводить весь комплекс агротехнических мероприятий (по севооборотам, обеспечению посевов качественными семенами, внесению удобрений и т.д.)³². Все это закрепляло и без того значительную экономическую зависимость колхозов от государственных предприятий — МТС, от которых зависел уровень механизации колхозного земледелия, в то время как животноводство еще было практически не затронуто механизацией.

Ответ на вопрос, какова была экономическая эффективность от превращения колхозов в 1930-е гг. в составной элемент советской мобилизационной экономики, очевидно, надо искать в общих итогах развития сельскохозяйственного производства на данном этапе.

Анализ статистических показателей развития сельского хозяйства показывает, что в предвоенные годы произошел значительный прирост валовой продукции сельского хозяйства,

особенно по земледелию. В результате в 1937 г. валовой объем сельскохозяйственного производства СССР на 1/3 превысил рекордный для него уровень 1913 г. В 1938–1940 гг. общий прирост его также превышал предреволюционные показатели на 20–41%, в том числе по земледелию — от 20 до 55%. Максимальный вклад в это достижение внесли именно колхозы. Так, в общем объеме зерна (95,6 млн т), произведенного в 1940 г. всеми категориями хозяйств, включая совхозы и хозяйства единоличников, доля колхозов (с учетом приусадебных хозяйств) составила более 80%, т.е. 76,2 млн т зерна. Росли также сборы технических культур, в том числе и картофеля, хотя объемы его производства еще не удовлетворяли всех потребностей страны. Повысился и общий уровень товарности аграрного производства: с 35% (в 1933–1938 гг.) до 41% (1939–1940 гг.)³³.

Однако при сравнении показателей аграрного производства в СССР с предреволюционным уровнем необходимо соотносить их с общей численностью населения в разные годы. Так, в 1913 г. в Российской империи проживало (в границах до сентября 1939 г.) всего 139,3 млн, а в январе 1939 г. в СССР — уже 170,6 млн человек, или на 31,3 млн больше³⁴. Значительная разница в общем количестве «едоков» в конце 1930-х гг. отразилась на соответствующем снижении средних данных о производстве продукции из расчета на душу населения. Иными словами, имевшийся в 1913 г. уровень производства зерна в расчете на душу населения по Российской империи, так и не был достигнут даже к началу 1940-х гг., несмотря на заметный прогресс в сельскохозяйственном производстве.

В развитии колхозного производства и в предвоенные годы все еще продолжали ощущаться издержки форсированных методов коллективизации и организации колхозов. В частности, после массового забоя скота на ее начальном этапе, животноводческая отрасль еще долго не могла оправиться, и в 1937–1939 гг. производство в ней едва дотягивало до 90% от предреволюционных показателей. Медленно росли посевные площади под зерновыми культурами, а под техническими и кормовыми культурами они даже сократились.

Но было бы неверным не замечать и положительных результатов жесткой централизации в распределении сельско-

хозяйственной продукции, осуществлявшейся государством. Использование мобилизационных методов управления экономикой позволило поднять общий уровень товарности колхозной продукции, отменить карточную систему распределения продовольствия уже в 1935 г. Практически одновременно с этим СССР полностью рассчитался и по экспортным зерновым операциям, заключенным в свое время с целью накопления валютных резервов. Безусловно, во многом все эти задачи решались посредством беспощадной эксплуатации деревни, установления колхозам и единоличным хозяйствам чрезмерно завышенных объемов хлебопоставок и закупок продовольствия, включая децентрализованные заготовки кооперативными организациями и т.д.

Деревня при этом всегда оставалась на периферии приоритетов государственной политики СССР. Советское государство использовало ее, прежде всего, с точки зрения донорских возможностей. Из сельского хозяйства передавались огромные средства на нужды индустриализации, развития городов и их инфраструктуры, на укрепление обороноспособности страны и решение внешнеполитических задач. Обязательные государственные заготовки и закупки аграрной продукции истощали колхозы, становились основной причиной серьезного несоответствия между количеством затраченного труда и уровнем его оплаты. Этот дисбаланс в сочетании с прочими негативными сторонами новых порядков в деревне подталкивал многих колхозников, в первую очередь, молодых, к бегству из деревни в поисках лучшей жизни за ее пределами.

Индустриализация страны потребовала огромных жертв от крестьянства. Это были не только нереально завышенные государственные задания по поставкам хлеба и другой сельскохозяйственной продукции, разорявшие как сами колхозы, так и их работников. Нельзя забывать о высланных из родных сел крестьянах-кулаках, по политическим соображениям не вписывавшихся в создаваемую систему будущего социалистического продуктообмена города и деревни, а также миллионах крестьян, погибших от голода, крестьянах-единоличниках, до нитки обобранных советской властью и т.д. И все же в целом индустриализацию следует оценить очень высоко. Она подняла экономику страны на более высокую ступень, приведя к заметному росту городов и их

населения. Огромную роль в пополнении численности горожан играли прибывавшие сельские жители, недовольные установившимися после 1930 г. порядками в деревне. Доля горожан в общем составе населения СССР заметно выросла — с 18 до 33%³⁵.

Переход от аграрного общества к индустриальному осуществлялся в СССР невероятно быстро и во многом принудительными методами. Колхозы при этом пострадали особенно, поскольку жесткий административный диктат государства и формировавшаяся экономика по мобилизационному типу лишали их большей части ими же производимых материальных ценностей, преимущественно в виде остро дефицитных продуктов сельского хозяйства. Они уходили из деревни прямо в государственную казну — на нужды индустриализации, городов, укрепление обороноспособности страны и решения внешнеполитических задач.

Примечания

¹ Седов В.В. Мобилизационная экономика: от практики к теории // Мобилизационная модель экономики. Исторический опыт России XX в. Челябинск, 2009. С. 7.

² Наухацкий В.В., Денисов Ю.П. Аграрная политика и модернизации российской деревни второй половины XX века: противоречия и тенденции. Ростов-н/Д, 2009. С. 16.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 6. 1933–1937. М., 1985. С. 11–12.

⁴ Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939. Политика, осуществление, результаты. М., 2006. С. 121.

⁵ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939 гг. М., 2000. С. 276.

⁶ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 т. 1927–1939 гг. Т. 3. Конец 1930–1933 гг. М., 2001. С. 51.

⁷ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 т. 1927–1939 гг. Т. 4. 1934–1936. М., 2002. С. 35; Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства СССР (СЗ СССР). 1930. № 34. Ст. 255.

⁸ Там же.

⁹ История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. 1. 1917–1936. М., 1959. С. 172–175.

¹⁰ История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963. С. 261, 267.

- ¹¹ Вылцан М.А., Зеленин И.Е. План и рынок в годы коллективизации // Аграрный рынок в его историческом развитии. М., 1991. С. 38.
- ¹² История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. С. 260, 264; Томилин В.Н. Наша крепость. Машино-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период. М., 2009. С. 49.
- ¹³ Томилин В.Н. Указ. соч. С. 49.
- ¹⁴ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 35.
- ¹⁵ Зеленин И.Е. Указ. соч. С. 124.
- ¹⁶ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 685.
- ¹⁷ История колхозного права. Т. 2. 1937–1958. М., 1958. С. 353.
- ¹⁸ Трагедия советской деревни. Т. 4. С. 35; История колхозного права. Т. 1. С. 352–353, 361–363.
- ¹⁹ СЗ СССР. 1933. № 4. Ст. 25; № 13. Ст. 73–74; 1934. № 18. Ст. 139; № 16. Ст. 95.
- ²⁰ СЗ СССР. 1934. № 5. Ст. 27; Зеленин И.Е. Указ. соч. С. 127.
- ²¹ Трагедия советской деревни. Т. 4. С. 30; Зеленин И.Е. Указ. соч. С. 153.
- ²² Ильиных В.А. Осень 1935 г.: ликвидация крестьянства как класса продолжается // Изв. Сиб. отд. РАН. История, филология и философия. 1993. Вып. 2. С. 58–59.
- ²³ Зеленин И.Е. Указ. соч. С. 196.
- ²⁴ Там же. С. 272–273.
- ²⁵ История колхозного права. Т. 2. С. 135–137; Сборник постановлений и распоряжений правительства СССР. 1940. № 9. Ст. 235.
- ²⁶ Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1998. С. 201.
- ²⁷ Наухацкий В.В., Денисов Ю.П. Указ. соч. С. 22.
- ²⁸ История колхозного права. Т. 1. С. 137, 160.
- ²⁹ История советского крестьянства. Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937 гг. М., 1986. С. 241.
- ³⁰ История колхозного права. Т. 1. С. 137, 160.
- ³¹ СЗ СССР. 1933. № 9. Ст. 47.
- ³² СЗ СССР. 1939. № 4. Ст. 15; Томилин В.Н. Указ. соч. С. 61.
- ³³ Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1988. С. 127, 201.
- ³⁴ Сельское хозяйство СССР: стат. сб. С. 12; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992. С. 20.
- ³⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 г. С. 22.